

Y1, С6: Сны, указания и неуважение

Ремус проснулся от неприятного сна рано утром следующего дня. Щебетали птицы. В окно (которое всю ночь было предметом страданий Ремуса) проникал свет. Сириус натягивал носок, Джеймс был полуодет, а Питер все еще храпел.

"Ремус! Как тебе спалось?" спросил Сириус.

Ремус потер глаза. "Спал как убитый".

"Убитый, который просыпался несколько раз за ночь", - сказал Джеймс.

"Да", - сказал Ремус. "Но, по крайней мере, я делал это тихо. Сириус бормотал во сне..."

"Нет, не бормотал!"

"На самом деле бормотал", - сказал Джеймс. "Я пытался понять, что тебе снилось, но для меня это звучало как тарабарщина".

"Кажется, он сказал что-то о нарциссах", - услужливо подсказал Ремус.

"Я уловил немного про динозавра".

"Не забудь про носорога с двенадцатью ушами".

"Ты ведь слышал про зубы?"

Ремус вздрогнул. "Да, я не уверен, что хочу знать, что снилось Сириусу".

Сириус скрестил руки. "Но я не храплю. Петтигрю храпел всю ночь".

"Я не храпел!" - сказал Питер.

"Только примерно так же громко, как отбойный молоток, приятель".

"Кровать Ремуса так скрипела".

"Джеймс чихнул шесть раз".

"Кажется, у меня аллергия на Питера".

"Может, у тебя аллергия на собственную глупость..."

"Эй!"

Ремус удовлетворенно наблюдал за тем, как Сириус и Джеймс смеялись и боролись со своими носками, после чего зашёл в туалет, чтобы переодеться, и все это время улыбался. Он не ожидал, что все в Хогвартсе окажутся такими милыми, и уж точно не ожидал, что соседи по комнате будут такими веселыми (правда, у них были очень громкие голоса, от которых иногда болели уши Ремуса... но Ремус был готов с этим смириться). Отец Ремуса был прав: Хогвартс казался намного меньше, когда у тебя есть близкие друзья (ведь у тебя есть они, зачем тебе весь Хогвартс) - ну, не друзья, но, возможно, близкие знакомые. Возможно, когда-нибудь они даже станут его друзьями.

Пока они не узнают, кто я такой, и не смогут находиться рядом со мной.

Ремус перестал улыбаться.

Завтрак прошел примерно так же хорошо, как этого ожидал Ремус. Он уже начал ощущать влияние луны, что не есть хорошо, так как до полнолуния ещё три дня. Джеймс и Сириус, однако, были, наверное, самыми веселыми людьми, которых Ремус когда-либо встречал, и он несколько раз чуть не выплюнул свой тыквенный сок от смеха.

Питер, казалось, почитал их обоих, и Ремус понимал почему. Они были в какой-то степени добрыми, а Сириус был довольно красив для одиннадцатилетнего подростка. Они были веселыми, уверенными в себе и крутыми, примерно такими, какой Ремус представлял себе Роуз. Они были похожи на тех студентов, которые курят фальшивые сигареты. Ремус, учитывая все обстоятельства, искренне наслаждался их компанией.

Но Ремус также помнил, что Сириус был чистокровным волшебником; он был уверен, что Сириус никогда не захочет дружить с оборотнем. Питер был довольно своенравным и нервным, так что он тоже вряд ли бы завёл дружбу с оборотнем. А Джеймс был... ну, никто не был застрахован от дискриминации, даже Джеймс. К тому же, Сириус и Джеймс казались популярными типами, и Ремус не хотел привлекать к себе внимание, проводя с ними время. Как бы ему ни нравилось их веселое товарищество, он знал, что дружить с Джеймсом Поттером и Сириусом Блэком неразумно.

Но ведь и приходить сюда было неразумно, не так ли? подумал Ремус, задумчиво намазывая маслом булочку.

"Эй, Ремус! Куда ты собираешься положить эту жабу?" спросил Сириус, и Ремус понял, что Буфо весь завтрак просидел у него на плече.

"Отнесу обратно в комнату. Ему бы только немного попрыгать вокруг - он не должен заблудиться. Надеюсь, ему не будет одиноко".

"Зачем вообще тащить жабу в школу? Они довольно скучные".

"Он мой друг!" возмущенно сказал Ремус. Буфо помог ему пройти через многие тяжелые превращения. Он был таким тихим и неподвижным, никогда не бросал на Ремуса смешных взглядов (впрочем, он физически не мог этого сделать) и был готов сидеть на плече Ремуса и читать вместе с ним. Или смотреть, как читает Ремус, по крайней мере, поскольку жабы читать не умели.

Говоря о косых взглядах, Ремус получал их довольно много от стола профессоров. Ему очень не нравилось чувствовать себя кем-то, на кого все глазают. Он очень надеялся, что Сириус, Джеймс и Питер не замечают, как взрослые глазают на него.

"Я могу это понять", - сказал Джеймс. "У нас с Сириусом есть совы. У меня есть своя с семи лет. Его зовут Блюботтл. А как зовут твою, Сириус?"

Сириус усмехнулся и произнес очень грязное слово.

"Ты назвал свою сову..." Джеймс повторил очень грязное слово с ухмылкой.

"Ага. Разозлил мою маму".

"Но мы не можем называть его так здесь!" - сказал Ремус.

"Почему?"

"У нас будут неприятности, не так ли?"

"И что?"

"Э." Ремус не был уверен, как на это реагировать. "Если ты хочешь замечания, тогда, я думаю, это прекрасно....".

"Я не против замечаний", - сказал Сириус. "Но я заставлю тебя придумать новое имя для моей совы, если тебе не нравится старое".

"Это справедливо", - сказал Джеймс. "У меня такое чувство, что Ремус втайне ужасно изобретателен, а?"

"Акцент на ужасно", - пробормотал Ремус. "Я действительно не такой".

"Ерунда", - сказал Сириус, бросив Ремусу кусочек бекона. Ремус поморщился. "Мы попросим тебя придумать имя для моей совы - раз уж ты так стремишься держаться подальше от неприятностей - а я пока дам ему просто имя. Как насчет..." Сириус издал очень высокопарный вопль.

Джеймс подражал ему. "Это идеальное имя".

Ремус не был уверен в своих чувствах. Он не мог понять, действительно ли Джеймс и Сириус считают его творческим человеком... или они просто подшучивают над ним. Неважно; теперь у него было имя совы, над которым он мог размышлять, когда хотел остановить себя от мыслей об оборотнях. "А ты, Питер?" - спросил он, надеясь сменить тему, пока Джеймс или Сириус снова не завопили. "У тебя есть домашние животные?"

Лицо Питера покраснело от счастья, что его включили в разговор. "Нет, но однажды я поймал муху в пластиковую банку и назвал ее Джеральд".

Джеймс захихикал, а Питер выглядел гордым собой. "И как все прошло?"

"Мы были лучшими друзьями, пока Джеральд не умер от старости - через два дня".

Раздался смех, и Ремус почувствовал головокружение от волнения. Они не были друзьями, нет, еще нет... но, по крайней мере, он был не один, а это имело значение.

Ремусу было очень трудно ориентироваться на лестницах. Конечно, отчасти это было связано с тем, что он пытался делать заметки на ходу.

"Что ты делаешь?" - спросил Джеймс.

"Делаю заметки. Мое чувство ориентировки оставляет желать лучшего", - ответил Ремус, записывая в маленьком блокноте, что ему нужно свернуть налево возле портрета дракона. По правде говоря, он обычно пользовался обонянием, чтобы ориентироваться (когда это было

необходимо, что случалось редко, поскольку оборотень был домоседом), но в таком большом замке с таким количеством студентов это было невозможно. В результате Ремус понятия не имел, как передвигаться, как обычный человек, что заставляло его чувствовать себя еще более отчужденным, чем он ранее. "Мы направляемся на Защиту от темных искусств, верно?"

"Да, это должно быть прямо здесь", - сказал Сириус. "Я слышал, что в этом году профессор очень злой".

"Злой?"

"Да, очень строгий и несправедливый".

Ремус сглотнул. Защита от темных искусств пугала его больше, чем немного. Он не мог вынести мысли о том, чтобы сидеть в классе и слушать о способах убийства таких Темных существ, как он. Что, если профессор выделит его? В его голове пронеслись мысли о практических занятиях, о проклятиях, о том, что придется писать эссе об оборотнях.

"Ах, не надо так нервничать. Если бы он был настолько плох, Дамблдор бы его не нанял", - сказал Джеймс.

Ремус вскочил, но потом понял, что Джеймс обращался не к нему, а к Питеру, чье лицо было таким же белым, как у Почти Безголового Ника.

Вскоре они подошли к полированной деревянной двери, и Сириус уверенно открыл ее. "Это должно быть оно", - сказал он.

Но это было не так.

Это был чулан для метел.

"О, кажется, я должен был повернуть направо к той статуе".

"О, радость", - сказал Ремус, зачеркивая заметки, которые он делал последние пять минут.

Прошло еще десять минут, прежде чем они добрались до класса Защиты от темных искусств. Ремус был рад, что они вышли намного раньше, так как это помогло им не опоздать, даже несмотря на то, что то тут, то там они сворачивали не туда. Однако они не успели, и свободных мест рядом было всего три.

"Давай, Ремус, сядем с нами сзади", - сказал Сириус.

Ремус поддался искушению, но ему было ужасно жаль Питера. Питер все равно будет дружить с ними дольше, чем ты, сказал себе Ремус. Если бы они знали, что ты собой представляешь, они бы и на десять футов к тебе не подошли, если только они не пытались убить тебя с помощью этого десятифутового шеста.

"Нет, я бы хотел сесть спереди, чтобы было видно", - сказал Ремус. "Я встречу с тобой после урока, хорошо?"

Сириус выглядел разочарованным. "О, похоже, Петтигрю с нами", - грустно сказал он. Питер сиял так ярко, что Ремус снова задумался, где же солнечные очки.

Ремус сел рядом с довольно симпатичной девушкой с длинными рыжими волосами. "Привет", - убедительно сказал он.

"Ты с ними дружишь?" - спросила она, жестом указывая на Джеймса и Сириуса.

"Мы друзья по комнате", - медленно ответил Ремус. "Они нормальные, я думаю, но мы знакомы всего один день".

Девушка слегка надулась. "Они совсем не нормальные. Они дразнили моего друга в Хогвартс-экспрессе, только потому, что он хотел быть в Слизерине".

"Это было не очень мило с их стороны", - сказал Ремус, но он не был удивлен. В конце концов, Джеймс и Сириус были довольно неприятны по отношению к Питеру, хотя и казалось, что они пытались быть добрыми. По крайней мере, не на полном серьёзе. Ремус мог это заметить, если прищурился и повернул голову под углом 45 градусов.

"Я Лили Эванс", - сказала девушка; к счастью, она, похоже, не сердилась на Ремуса за то, что он проводит время с Джеймсом, Сириусом и Питером. Возможно, Ремус даже смог бы завести четвертое знакомство.

"Ремус Люпин", - сказал Ремус. "Ты думаешь, что...?" Затем Ремус прервался. Что-то было не так. "Здесь кто-то есть", - сказал он.

"Да", - сказала Лили, бросив на него странный взгляд. "В классе полно учеников".

"Нет, кто-то... здесь, в передней части комнаты". Ремус тут же пожалел, что сказал это. Он никого не видел; единственная причина, по которой он знал об этом, заключалась в обостренном обонянии и слухе. Мужчина, предположил Ремус. С чего бы это невидимому человеку стоять у входа в класс?

"Разочарован?" - задался он вопросом вслух. Он определенно слышал дыхание, и это точно был мужчина. А что, если это был кто-то опасный? Член группы по поимке оборотней? Это был не тот, кого он узнал.

Был только один способ выяснить это. Он скомкал листок пергамента и бросил его вперед. Как он и предполагал, пергамент отскочил от того, что казалось воздухом.

В классе воцарилась тишина. Ремус уставился. Лили уставилась. В общем, было довольно много взглядов.

В один момент стал виден человек - довольно высокий мужчина лет пятидесяти с короткой бородой и темно-коричневой мантией. Он наклонился и поднял пергамент, который, судя по всему, попал ему прямо в нос.

"Кто же ты такой?" - спросил он Ремуса.

"...Ремус Люпин, сэр".

"Понятно." Мужчина посмотрел на Ремуса более пристально, и Ремус скривился. "Отличная работа, Люпин".

Ремус не ожидал этого. "Я прошу прощения, я просто... кто вы?"

"Квестус. Профессор Квестус, то есть... ваш профессор Защиты от темных искусств".

О. Так он знал, что Ремус был оборотнем. Ремус внимательно посмотрел на него - в его глазах не было ненависти, только легкое замешательство. И, может быть, немного отвращения? Или

Ремусу это показалось? Скорее всего, так и было. "Могу я спросить, почему вы были разочарованы, профессор?"

"Подумал, что было бы интересно понаблюдать за моим классом в более естественной обстановке. Я подумал, что это даст мне возможность лучше понять, кто вы все такие. Я очень впечатлен тем, что вы можете распознать Разочарованного человека, Люпин, и вы были совершенно правы, так как вы понятия не имели, кто я такой. Я мог быть опасен. Десять баллов Гриффиндору".

Ремус почувствовал, что обманулся.

"И снова я профессор Квестус", - сказал Квестус, обращаясь на этот раз ко всему классу. "И это "Защита от темных искусств", первый год обучения. Темные искусства - это очень опасное направление магии, которое может разрушить жизнь человека или убить его множеством неприятных способов. Немыслимых способов, правда. Я видел это собственными глазами".

Ремус, который тоже видел это, прекрасно понимал, о чем говорит профессор.

"На этом курсе мы будем изучать всевозможные Темные заклинания, существ и другие явления, которые в целом составляют самую сильную противоборствующую силу в мире".

Питер издал странный писк.

"Я знаю, что вам может быть неприятно или даже страшно слышать о таких вещах, но это необходимо. Чем лучше человек знаком с предметом, тем менее страшным он становится; чем менее страшен предмет, тем легче тебе сохранить самообладание, если ты с ним столкнешься. Понятно? Все, о чем я прошу, - это действовать настолько грамотно, насколько это возможно с точки зрения психики и физики. Есть три основных стимула, которые толкают людей к Темным искусствам... кто-нибудь может назвать мне один? Ты впереди?"

"Сила?" спросила Лили.

Квестус вскинул брови вверх. "Это вопрос?"

"Сила".

"Да, это самое распространенное. Иногда она может быть благородной. Люди могут хотеть власти, чтобы защитить своих близких, или чтобы создать лучшую жизнь для нуждающихся, или даже чтобы спасти целые города. Эгоистические причины тоже имеют место, конечно. Однако даже то, что делается из благородных побуждений, может привести к плачевным результатам. Темная магия всегда приводит к таким последствиям. Еще один... да, ты".

"Любопытство." сказал мальчик со светлыми волосами в третьем ряду.

"Да. Когтевран, предсказуемо, особенно восприимчив к этому. Вы можете сколько угодно изучать Темные искусства, но ввязываться в них довольно глупо. Есть еще один. Кто-нибудь знает?"

Ремус знал - слишком хорошо знал - но не поднял руку.

"Никто? Кто-нибудь вообще делает записи?" Раздался шквал каракулей. "Если никто не знает..." Взгляд Квестуса прошелся по классу, но, к счастью, не задержался на Ремусе дольше, чем на других учениках. "Некоторые люди связаны с Темными Искусствами по причинам,

которые не являются их собственными... люди могут стать связанными случайно или из-за чьего-то злого умысла. Это известно как проклятие. Запишите это".

Ремус не записал.

"Люпин, кажется, я сказал тебе записать это".

Ремус вскочил. "Да, конечно, сэр. Извините."

"Поскольку вы думаете, что уже знаете это, можете ли вы привести нам пример Темного предмета, заклинания или существа?"

Оборотни, подумал Ремус. "Боггарты", - сказал он. "Но они не совсем существа - только призраки..."

"Я так и думал, что ты это скажешь". Квестус не улыбался, но выглядел несколько довольным. "И ты, конечно, прав. Твой отец - большой знаток, не так ли? Вряд ли он меня знает, но я видел его в Министерстве, когда работал там Аврором. Полагаю, вы видели немало боггартов...?"

"У нас дома есть боггарт, сэр. В гардеробе внизу. Мы называли его Гаррисоном".

Квестус резко выдохнул; это почти походило на смех. "Я не удивлен. Ваш отец всегда был немного эксцентричным".

"Это говорит человек, который сам себя расколдовал, чтобы шпионить за своими студентами".

Квестус моргнул. "Увидимся после уроков", - сказал он, и Ремус вздрогнул. Почему он просто не может быть, как остальные и совсем не выделяться? Он не хотел быть неуважительным... но его родители оба были весельчаками, он привык шутить, и сейчас это казалось естественным. Он опустил обратно на стул и пассивно слушал остаток урока, делая заметки и избегая взгляда Лили.

Когда класс вышел, Ремус остался, верный своему слову. "Профессор, вы хотели меня видеть?"

"Ремус Люпин". Квестус несколько секунд смотрел на него. "О вас говорят все профессора, вы знаете. Интересно наконец-то познакомиться с вами. Насколько я понимаю, вы сами пережили ужасное проклятие? Я полагаю, что вам было очень неловко говорить на такие темы... возможно, вы подумали, что я делаю это специально... и я полагаю, что именно это и вызвало комментарий".

Это было не так! Квестус был неправ. Ремус попытался сказать ему об этом, но его язык завяз в одновременных извинениях. "Нет, сэр. Мне очень жаль, я не хотел... я не должен был..."

"Но я не извиняюсь за то, что поднял эту тему. Как я уже говорил: чем лучше ты знаком с теорией, тем лучше ты на нее реагируешь".

Ремус попытался снова. "Да, мне жаль, я был не в своей тарелке, я больше не буду этого делать, сэр... но..."

"Я не собираюсь подбирать слова ради тебя, Люпин. В этом классе есть много вещей, которые вы можете принять на свой счет, но вы должны признать это как то, что другие студенты должны знать, чтобы защитить себя от судьбы, подобной вашей."

"Я понимаю; я..."

"Я хочу, чтобы вы знали, что я буду относиться к вам как к любому другому студенту. Я не сержусь на тебя за твое замечание, но ты должен отдать нам, учителям, немного больше чести, вместо того, чтобы видеть во всем дискриминацию."

"Я никогда не думал, что вы..." Ремус сдался. "Спасибо, сэр".

"Всего доброго, Люпин".

Ремус ушел, чувствуя себя очень смущенным. Разговаривать с ним таким образом - это не значит относиться к нему как к любому другому студенту; это унижительно. Ремус, конечно, не хотел, чтобы он подбирал слова, и дело было не в дискриминации. Ремус не обиделся, а лишь проявил неосторожность.

Но он полагал, что заслужил это. Конечно, само по себе замечание было не более чем шуткой, которую его родители и он постоянно отпускали друг другу, но он знал, что должен следить за своим языком и быть немного более уважительным с профессорами.

Он не замечал, как быстро идет, пока не догнал Лили. "Ремус! Он устроил тебе разнос?" - спросила она.

"Немного, да. Я не хотел этого говорить, я просто..."

"Я думаю, это было великолепно", - сказала Лили. "Видит Бог, он заслужил это. Подслушивать - это невежливо, даже для учителей. Кстати, как ты узнал?"

"Он довольно громко дышал", - сказал Ремус. Отчасти, это была правда.

"Блестяще. Абсолютно блестяще".

Ремус не любил профессора Квестуса. Но ему нравились Лили, Джеймс, Сириус и Питер. И даже Дамблдор.

В общем, хорошего было больше, чем плохого, и Ремус был благодарен за это.

<http://tl.rulate.ru/book/67209/1785894>